

Маркевич Валентина Сергеевна

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Гражданское право, предпринимательское право, семейное право

Превентивная договорная защита от коррупции: гражданско-правовая модель антикоррупционной оговорки и заверений об обстоятельствах

Аннотация. Статья продолжает исследование гражданско-правовых механизмов противодействия коррупции, перенося акцент с последующего возврата активов на предупреждение коррупционного риска до возникновения имущественных потерь. Рассмотрены проверка контрагента, антикоррупционная оговорка, заверения об обстоятельствах, договорное возмещение потерь, односторонний отказ и ответственность руководителей. Предложена авторская четырехэтапная модель договорной профилактики, связывающая комплаенс-процедуры с конкретными гражданско-правовыми последствиями.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная оговорка, комплаенс, договор, заверения об обстоятельствах, возмещение потерь, ответственность руководителя

Если гражданско-правовые последствия недействительной коррупционной сделки устраняют уже возникший имущественный результат, то более эффективной для организации является ситуация, при которой риск выявляется до передачи денег или имущества. В этом смысле договор может выполнять не только обменную, но и профилактическую функцию. Продолжая исследование гражданско-правовых механизмов противодействия коррупции, целесообразно рассмотреть способы, которые позволяют заранее распределить информационные риски, закрепить обязанности по раскрытию сведений и определить последствия нарушения антикоррупционных требований. Цель статьи – сформировать модель превентивной

договорной защиты, пригодную для предпринимательского оборота.

Нормативной отправной точкой является статья 13.3 Федерального закона № 273-ФЗ, обязывающая организации разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции [2, ст. 13.3]. Закон называет стандарты добросовестной работы, предотвращение конфликта интересов, назначение ответственных лиц и недопущение неофициальной отчетности, но не ограничивает организацию закрытым перечнем процедур. Н.В. Ковалева отмечает, что современный антикоррупционный комплаенс эффективен именно тогда, когда общий запрет преобразуется в проверяемые процедуры: due diligence, контроль посредников, прозрачность платежей и документирование решений [5, с. 56–63].

Первый этап профилактики возникает еще до заключения договора и состоит в риск-ориентированной проверке контрагента. Ее содержание следует определять не формально, а исходя из характера сделки. Повышенного внимания требуют необъяснимо сложная цепочка посредников, непропорционально высокое агентское вознаграждение, просьба перечислить оплату третьему лицу, отсутствие очевидного хозяйственного опыта, связь выгодоприобретателя с лицом, влияющим на закупочное или разрешительное решение. Результат проверки должен фиксироваться документально. В дальнейшем это позволяет показать, какие обстоятельства были известны организации, какие меры она предприняла и было ли управленческое решение разумным.

Второй этап – включение в договор содержательной антикоррупционной оговорки. Ее слабое место в российской практике состоит в излишней декларативности: стороны обещают «не допускать коррупции», но не определяют ни проверяемого поведения, ни последствий [4, с. 328–331]. Е.Н. Максимов справедливо связывает практическую ценность оговорки с конкретизацией обязанностей сторон [6, с. 160–163]. В договоре целесообразно закреплять запрет прямого и косвенного незаконного вознаграждения, обязанность раскрывать посредников и конфликт интересов, порядок уведомления о существенном риске, право запросить подтверждающие документы и перечень обстоятельств, при которых возможны договорные меры реагирования.

Третий элемент – заверения об обстоятельствах по статье 431.2 ГК РФ. Контрагент может подтвердить сведения о структуре владения, бенефициарах, отсутствии скрытого интереса у лиц, участвующих в выборе поставщика, а также отсутствие нераскрытых посредников и незаконных платежей. Недостоверность существенного заверения позволяет требовать убытки либо предусмотренную договором неустойку, а в предпринимательских отношениях – при наличии условий закона и договора – отказаться от договора [1, ст. 431.2].

Четвертый этап связан с последствиями подтвержденного нарушения. Право на односторонний отказ может быть предусмотрено договором и реализуется по правилам статьи 450.1 ГК РФ [1, ст. 450.1]. Для предпринимательских обязательств возможно также использовать механизм возмещения потерь по статье 406.1 ГК РФ, если стороны определили обстоятельства, при наступлении которых одна сторона компенсирует имущественные последствия другой [1, ст. 406.1]. Однако антикоррупционная оговорка не должна превращаться в право прекратить договор из-за любого подозрения. Юридически устойчивее связывать санкции с объективно проверяемыми событиями: отказом раскрыть оговоренные сведения, доказанной недостоверностью заверений, установленным платежом ненадлежащему получателю или документально подтвержденным конфликтом интересов.

Профилактический механизм имеет и корпоративное измерение. Руководитель обязан действовать добросовестно и разумно и может отвечать перед юридическим лицом за причиненные убытки по статье 53.1 ГК РФ [1, ст. 53.1]. В коррупционно рискованной сделке значение приобретает не только конечный факт нарушения, но и качество управленческого процесса. В этом смысле комплаенс-досье становится одновременно профилактическим и доказательственным инструментом. Современная литература также связывает формирование культуры соответствия с системностью внутренних и внешних правовых процедур [7, с. 69–77].

На основе проведенного анализа предлагается четырехэтапная модель договорной профилактики коррупции: 1) риск-классификация сделки и проверка контрагента до подписания; 2) юридическая фиксация значимых сведений через заверения и антикоррупционную оговорку; 3) мониторинг исполнения, платежей,

посредников и конфликта интересов; 4) заранее определенное имущественное реагирование при подтвержденном нарушении. Международный стандарт ISO 37001:2025 также строит антикоррупционную систему вокруг оценки риска, due diligence, финансовых и нефинансовых контролей, сообщений о нарушениях и постоянного совершенствования процедур [8, с. 1–5]. Для российского гражданского права эти положения имеют ориентирующее, а не непосредственно обязательное значение.

В практическом плане договорная профилактика должна учитывать и пределы автономии воли сторон. Антикоррупционная оговорка не создает особого, неизвестного ГК РФ вида ответственности: ее последствия должны опираться на гражданско-правовые конструкции. Поэтому условие о штрафе требует соблюдения правил о неустойке, право на отказ – ясного основания в договоре и учета статьи 450.1 ГК РФ, а взыскание убытков – доказанности состава соответствующего требования. Нельзя считать юридически надежной формулировку, по которой одна сторона вправе прекратить договор при любом «подозрении» в коррупции. Более устойчивым является поэтапный механизм: уведомление о выявленном риске, предоставление разумного срока для объяснений и документов, внутренняя проверка, фиксация подтвержденного нарушения и лишь затем применение согласованного последствия. Такая процедура снижает риск произвольного отказа от договора и сохраняет профилактическое значение оговорки [1, ст. 10, 421, 450.1].

В споре после выявленного нарушения значение имеют не только локальные политики, но и следы их реального исполнения: анкета контрагента, сведения о бенефициарах, заключение службы безопасности, обоснование посреднического вознаграждения, протокол разрешения конфликта интересов, уведомления по антикоррупционной оговорке. Такой массив документов позволяет суду оценить добросовестность поведения сторон и качество корпоративного контроля. Именно поэтому формальное наличие кодекса этики без процедур проверки не дает сопоставимого правового эффекта. Статья 13.3 Закона № 273-ФЗ ориентирует организации на внедрение стандартов и процедур добросовестной работы, а рекомендации Минтруда прямо связывают предупреждение коррупции с оценкой

рисков, проверкой контрагентов и антикоррупционной оговоркой [2, ст. 13.3]. В итоге частноправовая профилактика становится эффективной тогда, когда договорные условия встроены в повседневный процесс принятия и документирования решений.

Таким образом, превентивный уровень является логическим продолжением механизмов возврата коррупционных активов: чем точнее договор и корпоративные процедуры фиксируют обязанности и доказательства, тем меньше потребность в сложном постфактум восстановлении имущественной сферы [3, ст. 8-13]. Наиболее перспективным представляется не создание обязательной типовой антикоррупционной оговорки, а формирование минимальных критериев ее юридической определенности: конкретный предмет заверений, понятная процедура проверки, доказуемый триггер для последствий и соразмерность санкций. Это сохраняет свободу договора и одновременно делает частноправовые инструменты реальным, а не декларативным элементом противодействия коррупции.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) / Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 25.04.2026) / Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
3. Андреева Е.И., Черевко В.В. Классификация товаров в таможенных целях: правовой аспект / Актуальные проблемы таможенного дела: идентификация, классификация и безопасность товаров: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции ученых, аспирантов, студентов, Москва, 06 апреля 2017 года. – М.: Российская таможенная академия, 2017. С. 8-13.
4. Клавденко И.А., Турнаев М.А. Причины возникновения коррупционных преступлений / Инновации в обществе: современные вызовы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической студенческой конференции, Москва, 15–16 апреля 2024 года. – М.: Академия управления и производства, 2024.

С. 328-331.

5. Ковалева Н. В. Антикоррупционный комплаенс: международные стандарты и действующее законодательство Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 56–68.

6. Максимов Е.Н. Понятие антикоррупционной оговорки, ее виды и применение в гражданско-правовых договорах // Молодой ученый. 2024. № 46 (545). С. 160–163.

7. Шорохов В.Е., Шорохова А.А., Бурский И.Г. Российская культура соответствия (комплаенс): правовой аспект // Хозяйство и право. 2025. № 1(576). С. 69–77.

8. ISO 37001:2025. Anti-bribery management systems – Requirements with guidance for use. – Geneva: International Organization for Standardization, 2025. 47 p.